

1

Тепл на бамбуке

Любовь, родившаяся из пепла войны,
горит ярче любого пламени
и светлее любой звезды

Гу Салань

18+

Гу Салань

Пепел на бамбуке

«Автор»

2026

Салань Г.

Пепел на бамбуке / Г. Салань — «Автор», 2026

Линь Сюань — Первый клинок Севера и безупречный праведник Облачного Пика, чьё имя внушает трепет. Его жизнь была подчинена строгому долгу, пока роковая миссия в Хрустальном гроте не изменила всё. В результате запретного алхимического ритуала его меридианы оказываются намертво связаны с Янь Цзинем — зловещим Владыкой Чёрного Пепла. Теперь фиолетовый узел Контракта Хранителя заставляет двух заклятых врагов делить одну энергию Ци и одну жизнь на двоих. Стоит одному погибнуть — погибнет и другой. Пока шпионы плетут заговоры за спиной, а Великий Корень жаждет заклания «Сосудов» в день совершеннолетия, Линь Сюань вынужден скрывать свою темную связь. Сможет ли он удержать Ян-иней своего меча, когда внутри него просыпается скверна заклятого врага? И какую цену придется заплатить, чтобы разорвать узы фальшивого рая Поднебесной?

© Салань Г., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
ГЛАВА 1. ИНЕЙ НА ТРЕНИРОВОЧНОМ ПОЛЕ ЧАСТЬ 1	11
ГЛАВА 1. ИНЕЙ НА ТРЕНИРОВОЧНОМ ПОЛЕ ЧАСТЬ 2	14
ГЛАВА 1. ИНЕЙ НА ТРЕНИРОВОЧНОМ ПОЛЕ ЧАСТЬ 3	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Гу Салань

Пепел на бамбуке

Пролог

Поднебесная веками молилась на лазурные одежды Облачного Пика, слепо веря, что истинное спасение исходит лишь оттуда, где величественные летающие скалы пронзают морозное небо Севера. Заклинатели бескрайнего, темного, эгоистичного и жестокого мира Цзянху привыкли верить, что Небесный Закон — это чистейший, незамутненный Свет, безупречные праведные кодексы, высеченные на древних гранитных стелах, и великая, милосердная медицина, способная исцелить любые раны и повернуть вспять само угасание смертного духа. Веками люди из нищих, изрезанных колеями и иссушенных долин поднимали истощенные, серые лица к заснеженным вершинам, шепча слова искренней благодарности бессмертным мастерам, чьи мечи оберегали покой империи от тёмной скверны, нашествий свирепых тварей и набегов еретиков Западного Предела.

В сознании простых смертных Облачный Пик был не просто школой заклинателей, он являлся нерушимым оплотом божественного порядка, где святость мерилась белизной одежд, а справедливость — карающим холодом истинных праведников. Каждый адепт, ступающий по зеркальному мрамору тренировочных площадок Севера, казался обычным людям существом высшего порядка, лишенным земных пороков, страстей, низменных желаний и слабостей. Империя безропотно отдавала свои лучшие богатства, редчайшие духовные камни и чистейших детей на алтарь этой лазурной веры, надеясь, что Небесный Закон защитит их от хаоса, болезней и неумолимой Тьмы Бездны.

Заклинатели Севера казались идеальными стражами, чьи сердца были чисты, как вечный лед горных хребтов Куньлуня, а помыслы направлены лишь на служение общему благу Поднебесной. Сияющие ордена гордились своими многовековыми устоями, а Совет Великих Кланов железной рукой карал любое проявление инакомыслия, именуя его демонической ересью. Смертные правители долин платили огромную дань рисом, шелком и золотом за право находиться под защитой лазурных клинков. Этот порядок казался незыблемым, высеченным в самом основании мира, и никто не смел сомневаться в том, что благородные старейшины Севера, Юга и Востока действуют исключительно во имя милосердия и процветания империи.

Сакральная география по всем Четырем Пределам была выстроена так, чтобы вся духовная энергия Поднебесной стекалась к центральным алтарям орденов, высасывая жизненные силы из периферии ради процветания сияющих пагод. Смертные почитали заклинателей как полубогов, принося им жертвы и моля о заступничестве перед лицом безжалостной стихии Цзянху.

Но что произойдет, если этот сияющий, ослепительный рай на поверку окажется всего лишь искусно выбеленной стеной огромной, хладнокровной и расчетливой скотобойни? Что, если великие Учителя, чьи благообразные лица кажутся одухотворенными ликами древних божеств, — это безжалостные кукловоды, которые годами взращивают своих лучших, преданных учеников как обычный домашний скот? Что, если каждая пилюля очищения, поднесенная наставником с мягкой отеческой улыбкой, и каждый выверенный круг многочасовой медитации — это лишь способ подготовить Золотые ядра юных заклинателей к финальному, мучительному заклятию ради продления угасающей жизни их стареющих мастеров? Ради одного-единственного глотка эликсира истинного бессмертия, способного удержать стареющую, гнущую изнутри плоть великих старейшин, достигших стадии Зарождения Души, от неизбежного тлена.

Великие ордена веками скрывали эту страшную, кошунственную тайну за занавесями из благовоний и золотыми рунами подавления. Поднебесная росла, питаемая кровью собственных детей, даже не подозревая, что сияющие залы пагод — лишь чистые стойла, где Сосуды послушно ждут своего двадцать первого года, когда их меридианы будут принудительно вскрыты, а жизненная эссенция выпита до самой последней капли. Те, кто провозгласил себя щитом человечества, оказались самыми страшными хищниками, которые когда-либо ступали по этой иссушенной земле. Они создали идеальную систему лжи, в которой жертва до самой последней секунды благодарила своего палача, глотая яд под видом священного лекарства и почитая свое грядущее уничтожение как высшую милость Небес.

Природная энергия, собиравшаяся годами упорных тренировок, шла на пропитание монстрам, которые маскировали свой трупный запах ароматами дорогих благовоний и пафосными речами о долге перед империей. Старейшины Совета Великих Кланов хладнокровно рассчитывали объемы Ци, созревающей в телах их преемников, и вели строгий математический учет, где имена лучших гениев поколения вписывались в секретные свитки как обычные инвентарные номера расходного сырья. Когда Золотое ядро достигало пика своей чистоты, ученика вызывали на финальный «экзамен», который оборачивался беззвучной и жуткой расправой в глубоких алхимических гротах. Израненное тело сжигалось, а очищенная жизненная сила перетекала в стареющий дантянь наставника, возвращая ему былую молодость и силу. Эта система была отточена до совершенства, меридианы учеников настраивались на частоту Ядра учителя через пилюли, чтобы в момент заклания энергия не встретила ни малейшего сопротивления плоти.

Это история о великом, сокрушительном предательстве и нерушимой, пугающей верности, рожденной среди пепла сожженных иллюзий. Когда былая праведность рушится со звоном разбитого хрусталя, а те, кому ты молился как богам, оборачиваются безжалостными мясниками, у выживших не остается иного выбора, кроме как принять Тьму Бездны в качестве своего единственного спасительного оружия.

Линь Сюань, Первый ученик Севера, Старший мастер и самый чистый, безупречный клинок ордена Облачного Пика, всю свою жизнь хладнокровно и справедливо судил еретиков, искренне веря, что защищает праведный порядок Поднебесной и оберегает покой невинных. Он рос в святой убежденности, что его долг — искоренять тёмную скверну, где бы она ни появлялась. Его боевой стиль, основанный на безупречной магии Кристаллизации Инея, был эталоном для сотен из двенадцати тысяч младших адептов ордена, а прямой длинный меч «Байсюэ» разил врагов без промаха, замораживая саму влагу в воздухе. Линь Сюань был лицом, гордостью и чистейшим щитом Облачного Пика. Его имя гремело по всем Четырем Пределам, его почитали как идеального праведника, лишённого земных слабостей.

Среди двенадцати тысяч послушников Облачного Пика лишь триста человек имели статус Внутренних учеников — элиты, допущенной к верхним пагодам и сложнейшим техникам. И для каждого из этих детей Линь Сюань был живым божеством. Младшие адепты выстраивались живым коридором, стоило ему появиться у ворот, ловили каждый его взгляд и затаивали дыхание на тренировочных площадках. Его любили за негласное, тайно введенное им орденское правило — «Час бамбукового узла». Раз в неделю, скрывшись от суровых глаз судейской палаты на нижних утесах, Линь Сюань лично брал бамбуковый гребень и помогал младшим послушникам распутать обмерзшие на ледяном ветру смоляные волосы, скрепляя их простыми деревянными заколками-цзи. Для маленьких сирот это был единственный час тепла, где величайший Старший мастер Севера становился защищающим братом, а не карающим судьей Поднебесной.

Там же, среди бамбуковых рощ, вечно крутилась Мо Сюэ — его шестнадцатилетняя названная сестрица, хрупкая, близорукая целительница в круглых сползающих очках, чья Ци была настроена на созидательное траволечение. Она не умела держать тяжелую сталь, но пре-

данно следовала за Линь Сюанем во всех тренировочных миссиях, вроде опасного очищения Хрустального грота от ледяных тварей. Девочка тайно прятала в его дорожный мешочек сушеные лесные ягоды и мяту, чтобы Старший брат мог заглушить странный привкус горького миндаля, остававшийся во рту после пилюль Учителя. Линь Сюань оберегал её меридианы во время орденских вылазок, обещая, что пока «Байсюэ» в его руке, ни одна тварь Цзянху не посмеет коснуться младших учеников.

Он не знал, что его собственное происхождение с самого младенчества тайно запечатано лазурными рунами Подавления, а тёмный яд «Тень Пяти Лепестков», мерно пульсирующий в его жилах под видом очищающего лекарства, — лишь способ удержать в узле его истинную, пугающую природу Истинного Хозяина Ян-Света Севера. Каждая пилюля сжимала его меридианы, заставляя их работать на износ, вытягивая Ян-энергию из костей и превращая его Ци в концентрированный нектар для его наставника. Паразит годами прорастал под кожей тонкими, невидимыми капиллярами, оплетающими Золотое ядро, лишая парня возможности почувствовать свою истинную силу. Цан Хай растил его не из отеческой любви, а как фермер бережно выращивает редкий, сочный плод, подливая отраву. Линь Сюань был для него «Сосудом Номер Один», живым эликсиром, чье Золотое ядро должно было быть поглощено в полночь его двадцать первого дня рождения.

Когда завеса лжи спала, обнажив страшную реальность алхимических подземелий, идеальный мир Первого ученика разлетелся на тысячи осколков. Безупречный праведник превратился в беглого изменника, обреченного медленно умирать от запущенного на полную мощност паразита, преданного орденом и преследуемого собственными братьями по оружию. Его Ян-ци выкипала зеленоватым паром, меридианы плавилась, а бывшая святость превратилась в проклятие, выжигающее тело изнутри. С каждым часом ядовитые нити под кожей пульсировали всё яростнее, стремясь замкнуться у самой шеи и полностью разрушить дантянь беглеца. Он бежал через заснеженные перевалы, оставляя за собой лазурные следы угасающей магии, преследуемый Безликими Карателями двухтысячного элитного корпуса Фэн Мо, которых сам когда-то тренировал для защиты Небесного Закона.

Янь Цзинь, Владыка Чёрного Пепла и Хозяин Долины Призраков, нес в своем истерзанном, покрытом шрамами сердце леденящую, первородную Тьму Западного Предела и вековую, выжигающую душу боль по истребленному Клану Безмолвной Ночи. Десять лет назад армии Совета Великих Кланов под предводительством Облачного Пика ворвались в его родные каньоны ночью, без объявления войны. Праведники в белых халатах хладнокровно вырезали его пятитысячное семейство, сожгли обсидиановые пагоды и разграбили древние медицинские архивы, назвав геноцид Клана «очищением Поднебесной от скверны».

Выживший двенадцатилетний Янь Цзинь — последний законный наследник первородной крови древнего девятихвостого демонического лиса Бездны, тёмного священного зверя Западного предела — бежал через Черные шахты Юга, придя к Кровавому Контракту с Тьмой, который оставил уродливое обугленное клеймо над его сердцем. Он вырос среди мародеров и наемников Южного тракта, спрятав свою вековую боль под маской ленивого, циничного бродяги со сломанным веером «Цзюфэн» за поясом. Его абсолютно белые волосы серебряным саваном развевались на ветру — знак высших лисьих демонов Запада, а единственная пепельная прядь у левого виска напоминала о погребальном костре его отца Яня Ли. Он научился черпать силу из самой Бездны, превращая Мо-ци в сокрушительные звуковые лезвия и скрывая свои перемещения в пепельном дыму. При каждом использовании Инь-магии от его тела летел хлопьями серый ледяной пепел, устилающий землю.

По законам империи они с Линь Сюанем должны были стать заклятыми, непримиримыми врагами, чье смертоносное столкновение предрешиено судебскими кодексами и Небесным Законом Поднебесной. Демон Запада и праведник Севера — их битва должна была закончиться гибелью одного из них на радость Совета Клана, закрепив вечную победу лазурного

неба над тёмной землей. Янь Цзинь веками копил силы в Черных шахтах, выковывая свое оружие из обсидиановой крошки и заклиная меридианы на вечную месть палачам своего рода. Его боевой веер разгонял застоявшиеся туманы, выпуская невидимые лезвия ультразвука «Шёпот Черного Бамбука», способные крушить базальтовые стены и ломать доспехи Безликих Карателей.

Под его циничной маской портового гуляки скрывался холодный, расчетливый ум стратега, готового сжечь Поднебесную ради того, чтобы вырвать свой Сосуд из лап Облачного Пика. Его Инь-ци была настолько плотной, тяжелой, что мостовая под его босыми ногами трескалась, покрываясь базальтовым инеем, а фамильный лис Хуань беззвучно скользил в его тени, выслеживая ищеек Совета.

Но суровая, насмешливая судьба связала их разорванные, израненные меридианы в один неразрывный, пульсирующий фиолетовый контур Ци через принудительные узы Контракта Тёмного Хранителя. Цан Хай десять лет назад уничтожил Клан Безмолвной Ночи именно ради того, чтобы подчинить себе силу Хранителя-Лиса и мистической печатью Подавления намертво привязать его к своему Сосуду Света.

Когда яд «Тень Пяти Лепестков» перешел в свою финальную необратимую стадию, выжигая каналы Линь Сюаня Ян-лихорадкой и заставляя его выплевывать бледно-зеленый пар, леденящая Инь-Тьма Янь Цзиня оказалась единственным спасением во вселенной. Чтобы праведный Хозяин лазурных рун не сгорел изнутри до рассвета, Контракт принудительно запустил древний круг Медианного Резонанса Ци, вывернутый безмолвной Бездной наизнанку. Тёмный Хранитель-Лис и его Сосуд Света — они были вынуждены делить один замкнутый силовой барьер, поддерживая непрерывную циркуляцию энергий посреди рушащегося, прогнившего мира смертных и заклинателей.

Каждую ночь, смыкая пальцы рук в жесткой фиксации в точках Хэ-гу и Лао-гун в полумраке заброшенных заимок и сырых аптек, они заставляли свои энергии перетекать из одного тела в другое без остатка: Ян-тепло Линь Сюаня согревало замерзшее Инь-ядро демонического лиса, а могильный холод Янь Цзиня гасил раскаленный пожар паразита внутри его Хозяина. Их Ци сплелись в тугую фиолетовую спираль, стирая границы между Светом Севера и Тьмой Запада, превращая их в единый, монолитный контур, способный выдерживать удары миллионов судебных армий.

Этот вынужденный, принудительный контакт меридианов на бамбуковой циновке оборачивался для Линя Сюаня тяжелым психологическим ангстом. Его праведная душа выла от удушающего стыда, ведь мысль о том, что тёмный еретик силой Контракта контролирует его меридианы, вызвала у Первого ученика инстинктивное отторжение, смешанное с удушающим осознанием полной физиологической зависимости от своего Хранителя. Но страшнее всего было то, что скрывалось за финальной ложью Учителя. Цан Хай перед своей смертью успел провернуть свою последнюю, самую кошунственную ментальную интригу. Зная, что они скованы Контрактом Хранителя, он извратил мотивы лиса и внушил Линь Сюаню, что Янь Цзинь защищает его лишь ради того, чтобы дождаться пика лихорадки, сожрать его Ян-ядро и выпустить скрытые девять хвостов Бездны, обретя абсолютное демоническое всемогущество.

Эта удушающая, страшная тайна детективного недоверия превратила каждый их последующий общий выдох в мучительное испытание. Мысль о том, что его верный Тёмный Лис — это скрытый хищник, выжидающий момент для его поглощения, заживо выжигала разум Линь Сюаня, заставляя его Золотое ядро испуганно сжиматься. Но фиолетовый узел их Контракта намертво, проклято удерживал их вместе — если они разорвут Резонанс Ци хотя бы на одну ночь, меридианы праведника просто сгорят к рассвету, уничтожив и Хранителя. Они стали заложниками собственной смертоносной связи, деля одну циновку и один пульс, но сходя с ума от ангста и подозрений среди полынных каньонов Дикого Запада.

Каждое движение Ци Янь Цзиня оборачивалось суровой выкачкой скверны, принося телу спасение, а разуму — нескончаемую пытку. Их Медианный Резонанс стал извращенным, болезненным лабиринтом, где каждый шаг приближал их к разгадке старых тайн кукловода, но отдаление означало мгновенную мучительную смерть от Ян-взрыва. Они удерживали Контур неподвижно, часами сохраняя жесткую фиксацию ладоней в точках Лао-гун под прикрытием широких рукавов, чувствуя, как фиолетовый контур Ци сшивает их истерзанные судьбы в один неразрывный узел, проклятый всеми орденами Цзянху. Чистый зеленый бамбук их жизней заживо покрывался пеплом тёмного заговора.

Мира, где за левым плечом Хозяина Чёрного Пепла беззвучно, словно бледный нефритовый призрак, скользила перерожденная в Бездне Минмин — немая Владычица Погребального Инея, ставшая карающей Правой Рукой Бездны. Когда-то она была той самой шестнадцатилетней послушницей-целительницей Мо Сюэ, названной сестрицей Линь Сюаня, которая тайно принесла героям свитки детективного заговора Цан Хая. Девочка погибла, когда активированный кукловодом «Корень Бездонной Скорби» полностью выпил её Ци ради эликсира бессмертия. Чтобы спасти её угасающую душу от окончательного уничтожения, Линь Сюань и Янь Цзинь провели запретный ритуал, скрестив остатки её сознания со своим фиолетовым контуром Ци.

Мо Сюэ переродилась в жуткое, немое и бессмертное существо — Минмин. Её прошлая способность исцелять и очищать меридианы вывернулась безмолвной Бездной наизнанку: её матово-белая кожа стала прочной, как холодный базальт, пустые глаза налились ровным фиолетовым пламенем Бездны, а маленькие ладони украсили длинные фиолетовые когти, источающие концентрированный сок паразита. На Плавающих рынках Восточного Предела, где под опекой Лю Ин скрывались обреченные 420 молодых лекарей, её Тёмная Акупунктура обрушивала на врагов град игл из черного льда, которые вонзались точно в акупунктурные узлы Карателей, вызывая полный, беззвучный паралич дантяня. Минмин стала бесшумной смертью, скользкой в их тенях, готовая рвать армии Совета по первому движению веера.

Судебная Палата Совета Великих Кланов Поднебесной никогда не знала сомнений. Канцелярия палачей работала с безупречной, леденящей точностью. Младший мастер Шэн Юй, грозный глава судебных отрядов и Первый кнут ордена, шел по их следам, ведомый долгом и старыми обетами. Тяжелая боевая цепь «Громовой кнут» тускло и зловеще поблескивала своими метеоритными железными звеньями, готовая в любую секунду выпустить первый предупреждающий веер лазурных молний. Человек, чье сердце было соткано из чистейшего горного снега Севера, не мог в один день превратиться в тёмное чудовище. Здесь крылась скрытая детективная интрига, которую старейшины Облачного Пика тщательно пытались похоронить под матовыми черными масками Безликих Фэн Мо, зачищая любые следы настоящих экспериментов Цан Хая. Дружба Шэн Юя превращалась в карательный поход, где названный брат шел по пятам за тем, кого опутали удушающим Контрактом Хранителя, готовый пробить любые чары Тьмы ради спасения их общего прошлого.

Отрекшись от фальшивых богов, лицемерных наставников и судебных кодексов Поднебесной, предав свои ордена и полностью приняв родовые тёмные искры в зрачках, они вышли на Мятажные Шлюзы, чтобы бросить вызов миллионным армиям верховных судей. На их стороне встали бывший командир Палаты Шэн Юй, чей «Громовой кнут» разил врагов фиолетово-лазурными молниями, и Старейшина Лю Ин, спасшая 420 молодых лекарей от заклятия под Корнем.

Мятажные Шлюзы содрогнулись, когда объединенная Ци медианного резонанса Мастера Света и его Тёмного Лиса взмыла в небо гигантскими фиолетовыми драконами льда и пламени. Сокрушительный ураган расколол площадь пополам, начисто стерев кольцо блокады Совета Великих Кланов и пробив им свободную, чистую дорогу сквозь пепелище былой империи. Они заставили Мятажные Шлюзы запеть в такт их новому, фиолетовому закону Тьмы. Беглецы

оставили лживый праведный мир империи догорать под собственным пеплом, навсегда унося с собой тайну своего нерушимого Контракта и свою нерушимую, разделенную на двоих вечную жизнь. Свободные Земли Дикого Запада приняли их под сень своих багровых каньонов, где на руинах обгоревшего прошлого им предстояло с нуля возвести Обсидиановую Цитадель, расследовать коварную ложь наставника и переписать Небесный Закон империи своей собственной тёмной кровью.

Пройдите этот мучительный, трагический и великий путь бегства вместе с ними. Путь, где былая лазурная праведность превращается в холодный серый пепел, кровь Клана Безмолвной Ночи никогда не лжет, а узы нерушимого Контракта Хранителя и жажда детективной истины становятся единственным законом, способным сокрушить саму империю и переписать Небесный Закон Поднебесной. Добро пожаловать на мою фиолетовую дорогу!

ГЛАВА 1. ИНЕЙ НА ТРЕНИРОВОЧНОМ ПОЛЕ ЧАСТЬ 1

На парящих утесах Северного Предела истинный покой мерился не тишиной, а леденящим, пронзительным холодом, от которого у младших послушников при утреннем вдохе перехватывало дыхание. Здесь, в Обители Облачного Пика, воздух круглый год оставался настолько разреженным, чистым и хрустящим, что в нем отчетливо улавливался металлический привкус озона, вековой горной хвои и застывшего горного хрусталя. Белоснежный мрамор тренировочных площадок, вырубленный мастерами древности прямо в недрах летающих скал, круглосуточно сверкал под бледным, слепящим северным солнцем. Этот отраженный от камня свет резал глаза так безжалостно, что у новобранцев ордена во время изнурительных двухчасовых пассивов на деревянных мечах то и дело наворачивались слезы, а темно-синяя черепица пагод, уходящих шпилями в самое небо, издавала казалась естественным продолжением ледяного небосвода Поднебесной.

Массивные гранитные стены Обители были сплошь исписаны лазурными защитными рунами Подавления. Они не только сдерживали яростные порывы штормовых ветров, но и мерно, тяжело высасывали из пространства любую теплую, влажную энергию Инь, оставляя адептам лишь звенящую Ян-прохладу для укрепления их Золотых ядер. Считалось, что только в таком суровом, стерильном климате дух заклинателя может очиститься от мирской скверны, полностью освободившись от хаоса чувств, привязанностей и слабостей земли. Двенадцать тысяч адептов Облачного Пика подчинялись этому монотонному, железному ритму: их жизни были зажаты в жесткие тиски кодексов Совета Великих Кланов, а послушание вбивалось в разум вместе с первыми каплями утренней росы на тренировочных клинках.

Линь Сюань стоял на самом краю тренировочного помоста, опустил руки в широкие рукава халата и подставил лицо ледяному ветру. Его белые одежды Первого ученика, сшитые из тяжелого шелка и расшитые по подолу серебряными нитями в виде парящих облаков, мерно, шуршаще вздымались от резких порывов бури. Длинные смоляно-черные волосы были идеально уложены в высокую прическу и скреплены парадным нефритовым венцом — гуань, а на лбу была туго повязана лазурная налобная лента — высший символ орденской чести и беспрекословного повиновения.

Каждое движение его внутренней Ци отражалось на дорогой ткани легким, едва заметным серебристым мерцанием, подтверждая безупречность и чистоту его меридианов. В свои двадцать один год он прошел суровый, полный лишений путь от испуганного сироты из мира смертных до самого молодого Старшего мастера Севера за всю историю Цзяньху. Его боевой стиль, основанный на Кристаллизации Инь, считался эталоном: когда он обнажал свой прямой длинный меч «Байсюэ», рукоять которого была украшена редчайшим белым нефритом, вокруг него мгновенно опускался мороз, превращающий влагу воздуха в град ледяных игл. Меч на его правом боку тихо вибрировал, откликаясь на меридианальные токи хозяина, словно живое существо, полностью разделяющее его отрешенное величие. Линь Сюань искренне верил, что Небесный Закон — это абсолютная истина, а его священный долг — защищать этот сияющий мир от тёмной скверны Западного Предела.

Младшие адепты, изнуренные утренней формой меча, застыли ровными фалангами на зеркальном мраморе, боясь сделать даже лишний выдох в присутствии Старшего мастера. Для этих мальчишек, набранных по нищим долинам, Линь Сюань был живым божеством, идеальным ориентиром праведности, лишенным земных слабостей. Они провожали его благоговейными, пугливыми взглядами, ловя каждое движение его белоснежных рукавов. Линь Сюань правил тренировочным полем справедливо и непреклонно, но его Ян-ци, рожденная годами

медитаций, распространяла вокруг такую плотную, стерильную прохладу, что шеренги учеников инстинктивно подтягивались, выправляя осанку и стремясь во всем подражать своему безупречному лидеру. Обитель казалась им незыблемым, вечным раем, и никто из двенадцати тысяч душ не догадывался, что лазурные руны под их ногами — это лишь стены богато украшенного загона на огромной скотобойне, где их Золотые ядра бережно вращаются ради финального заклания.

— Локти ниже, тридцать второй, — ровный, чистый, словно хрустальный звон, голос Линя Сюаня без труда перекрыл свист штормового ветра, гуляющего между парящими пагодами. — Твоя Ян-ци должна концентрироваться на острие клинка, а не рассеиваться в воздухе. Если меридианы рук расслаблены, форма «Дыхания Морозного Заката» обернется против твоего собственного дантяня при первом же столкновении.

Маленький послушник, чьи пальцы давно посинели от морозного воздуха Куньлуня, испуганно вздрогнул, мгновенно подбирая локти и выпрямляя спину под суровым, отрешенным взглядом Старшего мастера. На его конопляных штанах внешнего ученика застыли мелкие хрустальные капли пота, мгновенно превратившиеся в иней. Никто из этих детей не смел роптать. Линь Сюань был для них не просто наставником — он являлся лицом и гордостью всего Облачного Пика, идеальным воплощением карающего и защищающего Света Поднебесной.

— Ты слишком строг к ним сегодня, Сюань-эр. Они тренируются без перерыва с предрассветных сумерек, их контуры духа еще хрупки для такого плотного Ян-мороза.

Линь Сюань не оборачивался, чтобы знать, кто стоит за его спиной. Бурная, стремительная Ци, пахнувшая озоном, грозой и раскаленным железом, выдавала его названного брата задолго до того, как тяжелые подкованные сапоги Судебной Палаты ступали на зеркальный мрамор. К нему небрежным, размашистым шагом подошел Шэн Юй. Его лазурные одежды Облачного Пика были растянуты у самой шеи, сильные русые волосы растрепаны ветром, а на левой щеке тускло белел старый глубокий шрам — вечное напоминание об их общем экзамене во внутренние ученики. Тяжелый «Громовой кнут» на его поясе мерно покачивался, изредка испуская крошечные, едва заметные лазурные искры.

— Меридианы закаляются в лишениях, Юй-эр, — Линь Сюань слегка повернул голову, и на его обычно безучастном, фарфоровом лице промелькнула едва заметная, теплая улыбка, предназначавшаяся исключительно для этого бунтаря. — Если они не научатся удерживать Ци на ледяном ветру Севера, Совет Великих Кланов признает их непригодными при первом же отборе. Наш орден вращивает только лучших гениев поколения, здесь нет места минутной слабости.

Шэн Юй весело хмыкнул, скрестив руки на груди и окинув шеренги замерших послушников теплым, по-братски покровительственным взглядом. Его присутствие всегда странно разряжало стерильную, давящую атмосферу верхнего яруса. Младшие адепты незаметно перевели дух — они знали, что первый кнут ордена, несмотря на свою вспыльчивость и суровый нрав на официальных судах Поднебесной, всегда относился к новичкам мягче, чем холодные старейшины Обители.

— Отец и почтенный Цан Хай уже собираются в Главном Зале, — негромко произнес Шэн Юй, делая шаг ближе к краю помоста. В его глазах вспыхнул нетерпеливый, радостный азарт. — Свитки крови полностью подготовлены, младшие адепты уже выстроились живым коридором вдоль пагоды Алхимии. Тебе исполняется двадцать один, Сюань-эр. Пик созревания твоего Золотого ядра. Учитель лично вручит тебе пилюлю высшего очищения. Не заставляй его ждать.

В этот самый момент, стоило Шэн Юю произнести имя наставника, Линь Сюань внезапно почувствовал, как глубоко внутри его груди, в самой сердцевине дантяня, провернулась жут-

кая, раскаленная судорога. Ощущение было настолько резким, выворачивающим, словно под ребра вогнали десятки раскаленных стальных игл, мгновенно пережав энергетические каналы и перекрыв дыхание.

Его Золотое ядро испуганно, судорожно сжалось, а лазурный серебристый свет на его широких рукавах халата на долю секунды тревожно полыхнул тусклым, грязновато-фиолетовым отсветом. Это Контракт Хранителя, тайно вплавленный в его меридианы во младенчестве, глухо отозвался на приближение часа заклания.

Линь Сюань до крови закусил внутреннюю сторону губы, преодолевая вспыхнувшую Ян-лихорадку. Его бледные пальцы, скрытые в широких шелковых рукавах, судорожно сжали предплечье, силой воли заставляя бурную Ян-ци вытеснить странный приступ боли обратно в темные глубины. По лицу не должно было проскользнуть ни единого следа слабости — Первый клинок Севера не имел права ломаться на глазах у ордена.

— Сюань-эр? Ты в порядке? Твоя Ци на долю секунды пошла рваными кольцами, — Шэн Юй мгновенно подобрался, его рука инстинктивно легла на рукоять кнута, а в честных глазах промелькнула острая, искренняя тревога. Их духовные контуры с детства были сонастроены на одну частоту, и он тоньше любого поискового амулета чувствовал колебания его Ци.

— Всё хорошо, — Линь Сюань медленно выдохнул чистый, прозрачный морозный пар, полностью выравнивая пульс и возвращая лицу прежнюю маску отрешенного величия. — Обычная утренняя утомляемость меридианов после долгой ночной медитации. Нам пора идти.

Он повернулся к застывшим фалангам послушников и плавным, величественным движением руки опустил свой меч.

— Тренировка окончена. Сдайте деревянные клинки в Оружейную Палату и приготовьтесь к полуденному сбору. Встретимся в нижней бамбуковой роще, когда завершится ритуал.

Младшие адепты синхронно склонили головы в глубоком почтительном поклоне, провожая Старшего мастера благоговейным шёпотом, пока Линь Сюань и Шэн Юй плечом к плечу направлялись в сторону парящих пагод верхнего яруса, навстречу своей разрушенной судьбе.

ГЛАВА 1. ИНЕЙ НА ТРЕНИРОВОЧНОМ ПОЛЕ ЧАСТЬ 2

Седьмой утес Облачного Пика, в отличие от парадных зеркальных площадок верхнего яруса, редко посещался старейшинами Судебной Палаты. Здесь, на самой кромке летающей скалы, удерживаемой массивными цепями из метеоритного железа, раскинулась небольшая, чудом уцелевшая роща столетнего черного бамбука. Жесткие, темные стебли деревьев глухо, зловеще гудели от штормовых порывов северного ветра, но внутри самой рощи воздух казался более мягким, не таким разреженным и пронзительным. Сюда не долетал стерильный Ян-озон центральных пагод, и земля, припорошенная хрустящим снегом, пахла сухой хвоей, морозной корой и горьковатым полынным отваром.

Именно в этой глухой роще Линь Сюань раз в неделю тайно проводил негласное орденское правило — «Час бамбукового узла». Жесткий устав Облачного Пика, призванный подчинить волю двенадцати тысяч адептов суровым кодексам Совета, строго запрещал послушникам любые проявления мирских привязанностей, жалости или слабости. Но Линь Сюань, будучи Первым учеником ордена, слишком хорошо помнил, каково это — быть испуганным, замерзающим сиротой на ледяных ветрах Куньлуня.

Он сидел на поваленном, обледелом стволе базальтового дерева, бережно удерживая за плечи маленького послушника из касты внешних учеников. Ребенок, чьи пальцы всё еще мелко дрожали после изнурительных тренировок на деревянных мечах, послушно замер, затаив дыхание. Линь Сюань неторопливо, ювелирно вел широким бамбуковым гребнем по его обмерзшим смоляным волосам, аккуратно распутывая колкие ледяные сосульки и хрустящую крошку инея. Через этот простой тактильный контакт его чистейшая лазурная Ян-ци мягким, успокаивающим потоком проникала в акупунктурные точки на затылке мальчика, согревая истощенные меридианы и мгновенно снимая судороги усталости.

— Не вертись, тридцать второй, — негромко, со свойственным ему монотонным величием произнес Линь Сюань, и серебряные облака на его широких рукавах халата плавно колыхнулись. — Если заколка встанет неровно, меридианы головы будут пережаты во время полуденной медитации.

Сюань точным движением зафиксировал аккуратный узел на макушке ребенка простой шпилькой-цзи, выточенной из столетнего черного бамбука. Мальчик шмыгнул носом, на его бледных щеках впервые за утро проступил живой здоровый румянец, а в глазах зажглась глубокая сыновняя благодарность. Для этих сирот «Час бамбукового узла» был единственным мгновением тепла во всей Поднебесной, где грозный Первый клинок Севера становился для них защищающим старшим братом, а не хладнокровным палачом Палаты.

Там же, у самого входа в бамбуковую заимку, суежилась шестнадцатилетняя Мо Сюэ — его названная сестрица и младшая целительница ордена. Её оливковый халат из простого тяжелого шелка был небрежно подвязан льняным шнуром, а круглые очки в медной оправе вечно сползали на самый кончик носа, когда она усердно толкла лекарственные корни в массивной гранитной ступке. Меридианы её маленьких рук были сонастроены на тончайшую, созидательную медицинскую Ци Восточного Предела. От Мо Сюэ всегда пахло камфорой, жженой серой, дикой мятой и свежим тестом.

— Старший брат Линь Сюань, твоя порция готова, — девочка аккуратно отставила пестик и протянула ему крошечный мешочек из холщовой ткани, доверху набитый сушеными ягодами и листьями полыни. — Я добавила туда больше мяты в этот раз. Она лучше всего глушит... ну, тот самый привкус, который остается у тебя во рту после пилюль Великого настав-

ника. Только не ешь всё сразу, иначе старейшина Лю Ин на Востоке опять скажет, что я перевожу орденские запасы фармацевтики.

Линь Сюань бережно принял мешочек из её рук, и в его фиолетовых зрачках, очищенных от лазурной пыли Облачного Пика, промелькнула глубокая, затаенная скорбь. Маленькая Мо Сюэ так искренне пыталась защитить его, даже не подозревая, что «Пилюли Очищения Облаков», которые Цан Хай вкладывал в его ладонь, были ядом «Тени Пяти Лепестков», медленно превращающим его Золотое ядро в расходное сырьё для эликсира бессмертия.

В ту же секунду из густых теней бамбуковых зарослей, шумно шурша сухими листьями, выкатился огромный пушистый ком шерсти. Это был кролик Бай Юй. Но этот священный зверек мало напоминал обычных лесных грызунов — размером он был с хорошую охотничью собаку, его безупречно-белый мех, вопреки болотной грязи и изморози Севера, сиял собственным бледным внутренним светом, а большие рубиновые глаза-бусины смотрели на заклинателей с выражением царственного превосходства.

Бай Юй бесцеремонно прыгнул вперед, ткнувшись массивным носом прямо в полы халата Линя Сюаня, и шумно чихнул, выпустив крошечное облачко серебряной светящейся пыльцы, которая тут же растаяла в воздухе, оставив на губах праведника прохладный привкус сахара.

— Ах ты прожора! Снова ворует сахарный тростник на кухне внешних учеников! — Мо Сюэ в шутку пригрозила ему пальцем, но тут же беззвучно выскользнувший из тени черный лис Хуань — демонический фамильяр Яня Цзиня, чье присутствие в Обители пока скрывалось Узами Хранителя, — издал короткий, совершенно не по-демоноподобному писклявый звук и с позором забился под сапоги Линя Сюаня, жалобно пряча морду в его белых шелках. Белый кролик Бай Юй лишь лениво пошевелил длинными ушами и демонстративно зевнул, обнажив два длинных резца.

Идиллия «светлых времен» оборвалась резко, словно струна лука, которую перетянули до предела.

Со стороны центральных пагов донесся сухой, пронзительный звон медного гонга, возвещающий о прибытии инспектора Высшего Совета из Центральных Провинций. Линь Сюань внутренне подобрался, и фиолетовый контур его совмещенной Ци внутри дантяня тревожно запульсировал, реагируя на опасность. Сун Чэнь — Старший инспектор Восточного Предела в оливковых шелках — уже прибыл в Обитель, чтобы зафиксировать частоту созревания «Сосуда 1» для ритуала Цан Хая. Детективная петля заговора натянулась, готовая сорвать лазурные маски с наставников и бросить отряд внутренних учеников в их первую совместную миссию к Хрустальным пещерам нижних утесов.

ГЛАВА 1. ИНЕЙ НА ТРЕНИРОВОЧНОМ ПОЛЕ ЧАСТЬ 3

Зал Судейской Палаты Облачного Пика, вырубленный в самом основании Четвёртого парящего утеса, подавлял своим холодным, монолитным величием. Здесь не было хрустальных зеркал или изящных бамбуковых ширм, как в покоях наставников. Стены из темного гранитного базальта уходили высоко вверх, теряясь в густом, клубящемся полумраке, а редкие масляные светильники, закрепленные в медных кованых держателях, отбрасывали на камни длинные, изломанные тени. Воздух в Палате казался неподвижным, тяжелым и насквозь пропитанным застарелым запахом пережженного воска, талой воды и мокрого железа.

Линь Сюань вошел внутрь ровным, бесшумным шагом, шёлк его белоснежного халата плавно шуршал, едва касаясь пола. По правую руку от него, чеканя тяжелый шаг подкованных сапог, шел Шэн Юй. Названный брат уже успел застегнуть ворот своих доспехов, но его русые волосы всё еще оставались растрепанными, а Громовой кнут на поясе глухо и недовольно звякал, реагируя на общее напряжение, царившее под базальтовыми сводами.

У самого подножия Верховного Судейского помоста, за массивным каменным столом, сидел Шэн Вэй — глава Палаты и отец Шэн Юя. Это был высокий, суровый мужчина с лицом, словно высеченным из северного льда, чьи глубокие морщины у рта выдавали человека, привыкшего хладнокровно и безжалостно вершить чужие судьбы согласно судебским статьям Поднебесной. Перед ним на пергаментных листах лежали тяжелые свитки крови двенадцатитысячного ордена, скрепленные судебскими печатями из метеоритной руды.

Но всё внимание Линя Сюаня мгновенно переключилось на фигуру, застывшую по левую сторону от помоста.

Там, лениво опершись на длинный медицинский посох из светлого нефрита, стоял Сун Чэнь — Старший инспектор Восточного Предела. Его оливковые одежды Ордена Безмятежных Вод казались ярким, чужеродным и неестественным пятном посреди этой мрачной гранитной тюрьмы. Лицо инспектора было бледным, холеным и подчеркнуто мирным, а узкие глаза смотрели на вошедших внутренних учеников с той вкрадчивой, зловещей ухмылкой шпиона, от которой у Линя Сюаня внутри дантяня фиолетовый узел Уз Хранителя снова совершил тупую, болезненную судорогу.

— Вы припозднились, Старший мастер Линь, — Сун Чэнь первым нарушил базальтовое безмолвие зала. Его голос прозвучал мягко, плавно, словно журчание речной воды, но в этой мягкости отчетливо вибрировала леденящая канцелярская скука. — Совет Великих Кланов Центральных Провинций не любит, когда инспекторам приходится ждать у дверей Палаты. Время созревания... Ох, прошу прощения, время вашего совершеннолетия приближается, а отчеты по циркуляции Ци Облачного Пика всё еще не скреплены вашей личной печатью.

Шэн Юй за его спиной яростно стиснул зубы до хруста в челюсти, и Громовой кнут на его бедре с сухим треском выпустил короткую фиолетово-лазурную молнию, мгновенно оставив на базальтовой плите пола черную опаленную полосу.

— Инспектор Сун, Судебная Палата Севера подчиняется приказам Великого наставника Цан Хая, а не вашим бумажным квотам, — резко, со звенящей яростью оборвал его Шэн Юй, делая широкий шаг вперед и закрывая Линя Сюаня своим плечом. — Если вы приехали на наш Пик только ради того, чтобы замерять плотность нашей Ян-энергии, то вы ошиблись дверью.

— Тихо, Юй-эр, — Шэн Вэй тяжело опустил свою мозолистую ладонь на каменный стол, и этот удар глухим эхом раскатился под сводами, мгновенно заставив молодого бунтаря утихнуть. Верховный судья перевел свой холодный взгляд на Линя Сюаня. — Первый ученик. Для твоего отряда есть прямое, экстренное поручение от Главы ордена.

Судейский чиновник развернул на столе тяжелую карту нижних утесов Севера. Карта была исписана защитными рунами, которые тускло мерцали лазурным светом.

— Поисковые амулеты зафиксировали вспышку Искаженной Ци в Хрустальном гроте седьмого уровня, прямо под водопадами, — сурово произнес Шэн Вэй. — Гнезда ледяных тварей взбунтовались, пробив защитные барьеры нижнего яруса. Они уничтожают геомантические жилы, перекрывая токи Ян-энергии к верхним пагодам ордена. Твой отряд внутренних учеников выдвигается немедленно. Задача: полностью зачистить штреки, стабилизировать Массивы Вечного Хрусталя и восстановить баланс сил Севера.

Линь Сюань молча шагнул к столу, опустив голову в почтительном поклоне. Детективная интуиция, вбитая годами расследований в Палате, кричала ему об опасности: Хрустальный грот находился в непосредственной близости к темным алхимическим лабораториям кукловода, и эта миссия пахла не просто зачисткой монстров, а тщательно подготовленным экзаменом перед его грядущим двадцать первым днем рождения.

— Инспектор Сун Чэнь пойдет с вами в качестве официального наблюдателя от Совета, — добавил Шэн Вэй, скрепляя свиток метеоритной печатью. — Его медицинский посох поможет зафиксировать изменения Ци во время боя. Сборы — десять ударов пульса. Возьмите с собой послушницу Мо Сюэ, её целительские навыки могут понадобиться при восстановлении барьеров.

— Сделаем в лучшем виде, отец, — Шэн Юй весело, с вызовом ухмыльнулся, перехватывая Громовой кнут поудобнее и стремясь поскорее покинуть душную атмосферу зала. — Мой кнут давно не пробовал на вкус шкуру этих тварей. Сюань-эр, идем. Нужно собрать вещи и вытащить Сюэ-эр из её бамбуковой заимки до того, как этот оливковый халат успеет залить нас своими чернилами.

Линь Сюань молча развернулся, запахивая полы своего белоснежного шелкового халата. Они выходили из Палаты навстречу своей первой совместной миссии, пока Сун Чэнь хладнокровно сворачивал свои пергаменты, а невидимый фиолетовый капкан Уз Хранителя внутри дантяня Первого ученика готовился к своему самому первому, сокрушительному боевому резонансу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.